

О нём, о бильярде

01 января 1999

- [Игорь Померанцев](#)

УЧАСТНИКИ РАЗГОВОРА: **А.Межиров** (поэт, бильярдист, игрок), **А. Шлепянов** (бизнесмен, бильярдист, игрок), **В.Симонич**, **Е.Митасов** (бильярдисты)

Прежде чем завести разговор об этой раскатистой игре, напомним вам о томлении Евгения Онегина в деревенской глуши. В задумчивой лени он садился со сна в ванну со льдом...

И после, дома целый день,
Один, в расчёты погружённый,
Тупым киём вооружённый,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.

О нём, о бильярде, пойдёт речь: с профессионалами и любителями. Начнём с поэта Александра Межирова, которого порой называют крёстным отцом русского бильярда.

На бильярдном столе всё время происходит то, что в жизни: удар или отыгрыш, созидание позиции или прямая необходимость забить шар в лузу. И не так-то легко вывести его из системы вечных ценностей. Чего только у нас с ним не делали! Официально он был разрешён, а фактически запрещённая игра. Сперва столы настоящие - чемодановские, шульцевские, шольцевские, фрейберовские - стали исчезать, перекочёвывать на хоздачи правительственные. А вместо них в захламленных парковых и клубных бильярдных появились какие-то полуфанерные чудовища, поля которых были покрыты не фетром, даже не сукном ворсистым, а драной байкой, и скособочены к тому же во все стороны. Вот и приходилось несчастным профессионалам не бить по шару кием, а колотить изо всех сил. А то на неровностях шар обязательно сведёт. Это не могло не повлиять на стиль игры. Даже гениально одарённые виртуозы невольно стали отступать от неписанных законов

И всё же бильярд выжил, выжил усилиями одиночек, можно даже сказать подвижников, выдающихся игроков. Хочу назвать их имена. Самым легендарным из них был Лёвушка Зайцев. Он умер в 1918 году от тифа. Его заместил великий Березин, Николай Иванович (кличка "Бейлис"). А вслед за ним Кочетков (кличка "Позулудский"), Городилов, Егор Митасов (кличка "Сергей"), Эмиль Тарновский, Варламов, Леонид Журавицкий, Ашот Потикян, Симонич и совсем ещё молодые Соснин и Пантелеев.

*Среди выдающихся русских бильярдистов Александр Межиров назвал **Владимира Симонича**. Я предложил Симоничу присоединиться к нашему разговору.*

Я был метателем и выполнил норму мастера спорта по метанию копья - метал копьё за семьдесят метров. А потом, по словам Александра Межирова, "я неожиданно попал в таинственный полуподвал... маркёр "Герцеговину Флор" курил и счёт провозглашал". Этим подвалом оказалась бильярдная на Крымском валу в Москве. И вот восемнадцатилетним я

попал в этот таинственный полуподвал и окунулся в атмосферу, о которой я просто не подозревал. И уже через полгода я мог назвать себя профессионалом.

Тогда, в начале шестидесятых, в Москве играли на деньги, как, впрочем, и сейчас. Так что с восемнадцати лет - а теперь мне пятьдесят, значит, тридцать третий год пошёл, вся жизнь Христова тут уместилась - я неразрывно связан с ним.

Владимир, как вы думаете, почему у бильярда в Советском Союзе была всегда какая-то полукриминальная репутация?

Вообще-то бильярд в Россию привёз Пётр. По-моему, из Голландии. Что это был за бильярд - лузный или карамбольный, мне сие неизвестно. Дворяне в городских усадьбах, в Москве, в Петербурге, владели бильярдами. Рассказывают об интересных случаях в бильярдных Нижнего Новгорода. Потом 17-ый год. Но при НЭПе бильярдные появились во всех московских гостиницах. Маяковский, например, вместе с Наркомом народного образования Луначарским ночами играли почти у стен Кремля. Бильярду отдавали дань Ворошилов, Будённый и, может быть, благодаря им бильярд да и скачки до войны сохранились.

В войну бильярдные не были закрыты. Может быть, это связано с некоторой привязанностью руководства. А вот уже начиная с хрущёвского и особенно в брежневский и андроповский периоды, вот тут-то началось такое, чего я до конца объяснить не могу. Может, какую-то роль сыграл кинематограф отечественный, потому что всех воров и бандитов обязательно находили в бильярдной. Количество их, я имею в виду бильярдных, постепенно убывало. Столы исчезали в неизвестном направлении, некоторые экземпляры я вот в недавних поездках в Финляндию обнаружил в довольно дорогих клубах: это была ручная работа, настоящее дерево и богатая отделка. А плиты на них уже были графитовые.

Владимир, вы часто выезжаете в Западную Европу, участвуете в соревнованиях. Как вы чувствуете себя в европейском бильярдном контексте?

Начали мы с соседней Финляндии. Так называемая игра "кайза" у них, с тремя шарами и двумя белыми битками. И что вы думаете, при встрече в матче пять на пять мы у финнов выиграли.

А вот последующая поездка в Египет преподнесла нам загадку, насколько же мы, так сказать, отстаём. Хотя египетская команда к этому моменту только вступила в европейское сообщество бильярдное, но тем не менее они легко нас обыграли. С этого момента начались наши метания. В одной стране играют в "снукер", в другой в "карамболь", в третьей в "пул", в четвёртой в "фишки" и так далее. А мы всё-таки всю жизнь играли в лузную игру большей частью. Причём на наших огромных столах с огромными шарами и очень тесными лузами. В общем-то, мы привыкли в игре обороняться, а не нападать. И поэтому слышим упрёк в наш адрес со стороны известных зарубежных игроков, что мы раньше научились играть, чем класть шары, то есть раньше научились вести игру, чем делать самое элементарное - забивать шары, то есть начали с конца. А это продиктовано условиями российской игры. Мы ещё помним некую опасность этих тесных русских луз и потому чаще отыгрываемся, чем нападаем. Ну, а дальше, дальше самое близкое и самое ясное знакомство произошло в 91-ом году в Англии, в Бирмингеме, куда мы втроём - Ашот, Митасов и я - приехали на первенство мира по снукеру. Ну, выступили, конечно, из рук вон плохо, но зато увидели выдающихся игроков. Для меня было очевидным, что нужно почувствовать эти шары, покрытие стола, привыкнуть к диаметру шара, к весу кия, к диаметру кончика кия, его длине, ширине луз. Ну и, конечно, научиться управлять шаром этим, потому что здесь просто сыграть шара - это ещё ничего не сделать: нужен выход, продолжение, всё время атака.

Короткое поэтическое отступление: стихотворение Александра Межирова, которое цитировал Владимир Симонич.

Со школьной, так сказать, скамьи,
Из, в общем, неплохой семьи
Я легкомысленно попал
В гостиничный полуподвал.

Там по сукну катился шар,
И всё один удар решал,
Маркёр "Герцеговину Флор"
Курил и счёт провозглашал.

Перед войной, передо мной,
Величественен и суров,
В перчатке белой, нитяной
Для протирания шаров.

Бомбоубежищем не стал
Гостиничный полуподвал.
Но в зале сделалось темно,
И на зелёное сукно,
На аспид фрейберовских плит
Какой-то чёрный снег летит.

*Но почему всё-таки у бильярда в Советском Союзе была полукриминальная репутация? Это вопрос я повторил московскому бильярдисту **Егору Митасову**.*

Для того, чтобы завладеть уникальными столами производства Шульца, Фрейберга, Зозулина и других фабрикантов, а столы находились во дворцах, домах культуры, в садах, в парках, нужно было как-то скомпрометировать, вот, бильярдный клуб. Чтобы потом эти столы увезти куда-то в Подмоскovie, под Ленинград, в Сочи. Причём, это делалось на самом низком уровне: директоров, завхозов.

В 1991 году в Бирмингеме Егор Митасов, Владимир Симонич и Ашот Потекян приняли участие в первенстве мира по "снукеру", английской разновидности бильярда. Сыграли неудачно. Было ли для них поражение психологической травмой?

*Говорит **Егор Митасов**:*

В какой-то степени да. Мы не подозревали, что в какой-то стране так прекрасно играют на бильярде, что такой уровень всей бильярдной индустрии, и другое отношение к нему. Так что мы были приятно удивлены и немножко расстроены. На кого больше, на кого меньше подействовало. Ну, а некоторые, мы не будем называть их имён, на которых вот именно это, ну, просто убийственно подействовало. От неожиданности. А ведь у нас тоже когда-то существовала замечательная русская школа. Школа была... Столы растащили... Старое поколение умерло. Хорошо хоть мы кое-что перехватили и сохранили для своих молодых людей.

Американская разновидность бильярда называется "пул". О своём опыте игры в "пул" говорит поэт Александр Межиров:

Иногда я захожу на Бродвее в клуб, где играет старик, которому восемьдесят четыре года. Уже глаза у него не те и рука нетвёрдая. Но если бы ему связали руки и ноги и завязали глаза, он всё равно выиграл бы у меня, потому что я играю в русский бильярд, а "пул" - игра совершенно другая. Может быть, у "пула" есть один ущерб - это игра только для высоких профессионалов. Чтобы играть "пул", надо уметь передать своему шару вращательное движение. Этому невозможно научиться, это уже в утробе матери. А любая любительская игра в "пул", как и в "снукер", - это профанация.

Американцы, как ни странно, консервативны. Я пытался когда-то внедриться в игорный бизнес Невады, в таком городе Рино. Моя внучка, она американка, она там живёт. Она даже устроила ради этого какой-то пикник, на который был приглашён хозяин всех бильярдных в Рино. Значит, и она рассказала ему о русском бильярде, о том, что русский бильярд - это игра и для высоких профессионалов и для любителей.. Этот хозяин всё это выслушал и удивлённо сказал: "Анна, у нас есть свой бильярд. Зачем нам чужой бильярд?".

Александр Шлепянов уже несколько лет живёт в Лондоне, занимается бизнесом и часто играет в "снукер". Я спросил его об атмосфере, которая ассоциируется со "снукером", напоминает ли она русскую бильярдную атмосферу полуподвала?

Ничего общего с русской бильярдной английский снукерный клуб не имеет, потому что русская бильярдная, особенно не элитарная в каком-нибудь творческом клубе, а городская, - это всегда наполовину малина. Там встречались уголовники, поэтому, кстати, государство с удовольствием терпело бильярдные: оно туда подсаживало осведомителей и знало, более менее, что происходит в уголовном мире.

В Англии, в стране клубов, снукерный клуб такой же, как другие. Это членство, это довольно уважаемые люди. Не было случая у меня, чтоб мне в снукерном клубе, скажем там, предложили наркотики или кто-то заговорил о преступном бизнесе. Я просто уверен, что "снукер" приживётся в России. Дело в том, что "снукер" - это просто следующая стадия развития бильярда. Если в "американку" может играть любой болван, если у него есть так называемая "целкость"- если он попадает в лузу, то в "русскую пирамиду" уже надо соображать, а "снукер" - это просто шахматы бильярда. Только железный занавес помешал "снукеру" раньше проникнуть в Россию.

Другой дело, что такие ветераны "русской пирамиды" как, скажем, Егор Митасов или Александр Межиров, или знаменитые маркёры, такие как Василий Михайлович из московского Дома Кино, или Сапожок, маркёр ленинградского Дома писателей, если он жив, а если помер, то царство ему небесное; или другой гений Санкт-Петербургского бильярда, непобедимый Никодим Гиппиус, или легендарный мастер киев Чемоданов - эти люди, конечно же, на "снукер" уже не переучатся. Но молодое поколение - тем, иначе как в "снукер," другого пути нет.

Александр, гиганты русского бильярда уже играли в Англии. Как они выглядят на фоне английских снукеристов?

Один такой был, это был Ашот, действительно, гениальный игрок в "русскую пирамиду". Несколько лет назад он приезжал в Лондон, прожил довольно долго, хотел вписаться в снукерную элиту. Ему было трудно. Другое дело, что он выглядел вполне достойно, потому что играет он замечательно. Как личность он вполне, так сказать, вызывал уважение, быстро

отвоевал себе нишу. Но в его возрасте, уже где-то за сорок, сильно за сорок, научиться играть в "снукер", как люди, которые играют с пятилетнего возраста, то есть с такой абсолютной точностью рассчитывать силу удара, продумывать комбинации на шесть, семь, восемь ходов вперёд, к чему нас "русская пирамида" не приучала, это ему было нелегко. Это спорт. Человек должен быть свободен от других забот. Он должен спокойно жить, хорошо спать, не думать о куске хлеба. А всего этого у Ашота не было. Поэтому он вернулся в Россию.

Александр, насколько я понимаю, вы говорите о том самом великом Ашоте, который потерпел сокрушительное поражение на первенстве мира в Бирмингеме. Как он перенёс это поражение?

Я наблюдал Ашота в Лондоне, в Илинг-клубе. Он входил, скажем так, в первую двадцатку. Но тем не менее до титанов "снукера", таких как Стив Дэвис, ему было трудно дотянуться. Может быть, проживи он в Лондоне пять-шесть лет, он бы достал их. Но какой ценой? Ему было бы очень, очень тяжело.

Саша, а вы больше заработали или проиграли, играя в "снукер"?

Когда я приехал, и когда было очень плохо с деньгами, то я шёл в трудную минуту в снукерный клуб и там, в общем, удавалось выиграть себе на ужин. Десять-двадцать фунтов можно было ценой некоторого напряжения выиграть. Но англичане не слишком тароваты: когда они видят, что кто-то играет сравнительно неплохо, они уже не хотят с ним играть дальше. У них нет этого русского азарта: ещё сыграть, отыграться, удвоить, вернуть свои. Нет, просто видя, что человек их обыгрывает, они отходят от стола и больше не играют.

Александр Петрович, для вас как-то связаны бильярд и поэзия?

Может быть, была игра для меня поисками пространства хоть какой-то независимости. Там, где я работал, в подмосковной сторожке, стояли два стола - один небольшой письменный, другой - намного больше бильярдный. Его собрал для меня Егор Митасов, поэт, редкостный мастер бильярдной игры. Собрал в память о моём кумире, Николае Ивановиче Березине. О нём я даже написал стихи.

Умру - придут и разберут
Бильярдный этот стол,
В который вложен весь мой труд,
Который был тяжёл.

В нём всё моё заключено,
Весь ад моей тоски:
Шесть луз, резина и сукно,
Три аспидных доски.

На нём играли мастера,
Митасов и Ашот,
Эмиль закручивал шара,
Который не идёт.

Был этот стол и плох и мал,
Название одно,
Но дух Березина слетал
На старое сукно.